

А.В. Зорин

«АСПИДЫ ЛИСОВСКОГО» (1616-1618 гг.)

В статье рассматривается деятельность одной из более известных военных группировок смутного времени – лисовских казаков (лисовчиков). Работа базируется на российских и польских источниках. Особое внимание уделяется выступлению лисовиков под командованием С. Чаплинского (1617-1618 гг.).

Александр же Лисовской, яко змий возсвиставъ со своими аспиды, хотя поглоти православныхъ воинство и вскорѣ прииде ... яко левъ ревий, хотя всѣхъ поглоти.

Авраамий Палицын

Смутное время начала XVII века породило немало ярких личностей, но, пожалуй, наиболее типичным героем этой эпохи можно с полным правом назвать знаменитого наездника Александра Юзефа Лисовского. Ни одно изложение событий Смуты не может обойтись без упоминания его дел, как не может оно обойтись, например, без князя Д.М. Пожарского. В польской историографии имеются труды, специально посвящённые Лисовскому и его полку [19; 22; 24]. В них он выступает как отважный, практически непобедимый воин, снискавший славу польскому оружию, а его полк предстаёт в качестве некоего элитного подразделения. Грабежи и насилия, производимые *лисовчиками*, являются для них не более, чем неизбежной данью времени и результатом отсутствия в Речи Посполитой какой-либо системы правильного снабжения войск. Граф М. Дзедушицкий писал с нескрываемым восторгом: «Что то за воины в высоких, свисающих с головы шапках, в плащах с широкими воротниками, облегающем многоцветном платье, жёлтых подкованных сапогах, на конях, как ветер лёгких ... Лик их марсов, головы и бороды обриты, отпущены лишь чуб и усы. Оружие их – кривая сабля, лук и колчан, рушница висит за плечами да в руке длинная рогатина ... Сей солдат обошёл всю Россию от моря Ледовитого до Каспийского, от гор Уральских до Днестра, прошёл Финляндию, Венгрию, Силезию, Моравию и Чехию ... пересёк Альпы и заглянул в Италию, дважды переправлялся через Рейн, побывал в Лотарингии, Шампани, Пикардии, поразил своим явлением Париж – это *лисовчик*, гражданин мира, имя коего в семнадцатом столетии ведомо всем было» [19, 3-4].

Любопытно, что если в русских литературных произведениях, современных самому Лисовскому, его личность отображалась в резко отрицательных тонах, то писатели-романтики XIX в., которые не могли пройти мимо столь колоритного персонажа, изображали его далеко не столь демонической фигурой. «Злый еретикъ лютор», «беззаконный», «злый врагъ кровопийца», «лютый тать и разбойникъ» – таковы обычные эпитеты, которыми награждают Лисовского троцкий келарь Авраамий Палицын и псковский летописец. «Лисовчики» же для них –

«тати», «злодеи» и «аспиды». Иного от очевидцев их набегов нельзя и ожидать. Но в первой половине XIX в. на Лисовского уже не смотрят как на исчадие ада. Облик его в глазах авторов исторических повестей сближается с польским видением на полковника – жестокий, но храбрый солдат, удалец, достойный противник русских патриотов. «Где он пройдёт со своими сорванцами, там хоть шаром покати! – всё чисто: ни кола, ни двора. Но зато на схватке всегда первый и готов за последнего из своих налётов сам лечь головою – лихой наездник!», – с явным восхищением описывает Лисовского один из героев М.Н. Загоскина [6, 44]. А известный писатель-декабрист А.А. Бестужев-Марлинский оставил в одной из своих повестей красочное и при этом вполне достоверное описание *лисовчиков*: «Чудна и пестра была смесь народов, составлявших хоругвь Лисовского. Польская шляхта, своевольно наехавшая на Русь служить себе, без воли сейма и противволикороля. Они гордо похаживают, крутя усы и отбрасывая назад рукава своих кунтушей, клянясь и хвастая ежеминутно. Казаки косо поглядывают на союзников, лениво дымя трубками, и часто сабли их крестятся с польскими, хотя к их знаменам, для добычи и славы, привязали они перемётную дружбу свою. Полудикие литовцы, приведенные панями на разбой и на убой, бесстрашно сидят или спят вокруг огней. Наконец изменники русские, иные из привычки к мятежу и бездомью, другие алкая корысти, третьи из надежды воротить грабежом у них отнятое передались к гультаям польским. Роскошь и бедность вместе разительно виделись в стане. Инде ходил часовой с заржавленным бердышом, в рубище, но в золоченом шишаке; другой в бархатном кафтане, но полубос; здесь поят коня серебряным ковшом, а там на дорогом скакуне лежит вместо седла циновка. Штофный занавес, вздетый на копьё, завешивает из бурки сделанную ставку какого-нибудь хорунжего, который нежится на медвежьей полости, склоняя голову на седло. Здесь бобровое одеяло кинуту на грязной соломе. Всё это было странно и дико, но всё кипело жизнью и силою. Везде говор и ржание коней, звук и блеск оружий во мраке» [5, 109].

Роль Лисовского и находившихся под его командованием отрядов в событиях Смутного времени 1608-1615 гг. нашла отражение в многочисленных документальных и литературных свидетельствах эпохи [1; 2; 3; 4; 9; 12; 13]. Меньше известны подробности участия полка в событиях завершающего этапа Смуты, связанных с борьбой за Смоленск и Московским походом королевича Владислава (1616-1618 гг.).

Полк «лисовчиков», как особая боевая единица, окончательно сформировался в ходе великого кругового рейда по территории Московского государства в 1615 г. [7; 19; 21; 22; 24]. Именно этот

рейд сплотил разношерстный отряд, состоявший из казаков, поляков, татар, русских, «немцев». За эти месяцы он превратился из наспех сколоченной шайки в крепко спаянный закалённый в боях полк. Именно эти люди стали ядром тех «лисовчиков», что в последующие годы снискали громкую и страшную известность на полях сражений в России и Европе. «Как сам Лисовский бросался на все опасности, так приучил и своих солдат, и, как бы обрекиши уже их на верную смерть, обыкновенно называл военным термином *погибшие* [perditi]», – писал о них польский современник событий Станислав Кобержицкий [8, 16].

Вскоре после завершения знаменитого набега Лисовского, на Сейме, который работал в Варшаве с 26 апреля по 7 июня 1616 г., было одобрено предложение о походе королевича Владислава на Москву. Спустя месяц, 16 июля, гетман Ян Кароль Ходкевич в своей ставке в Ляховичах огласил универсал, приказывающий Лисовскому принять участие в походе королевича [23, 103].

11 (21) сентября 1616 г. полк Лисовского переправился на восточный берег Днепра близ Гомия и был готов к новому набегу. «Приде подь Смоленескъ Гашевской съ Литовскими людьми и поставиша острогъ близъ Смоленского острогу, гдѣ сидят Московскіе воеводы, а на Сѣверу посла Лисовскаго съ своимъ полкомъ. Лисовской же пойде в Московское государство, похваляся», – сообщает русский летописец [12, 140]. Однако похвалялся полковник прежде времени – возглавить этот поход пришлось уже другому человеку. Объезжая ряды своих солдат, Лисовский внезапно замертво рухнул с коня наземь. Как с нескрываемым злорадством сообщает грамота царя Михаила Фёдоровича братии Троице-Сергиевского монастыря, «как будет от Стародуба двадцать верст, и Лисовскому учинилась смерть вскоре, спал с коня и издох». Летописец сообщает об этом почти теми же словами: «приде бо въ Камарицкую волость и внезапно спаде съ коня и свою окоянную душу испроверже» [17, 157; 12, 140]. Точную дату смерти полковника сохранили польские документы – 1 (11) октября 1616 г. Делегация его полка сообщила эту скорбную весть гетману Ходкевичу 9 (19) октября [24, 75].

Причина смерти осталась неизвестной. Говорили о сердечном приступе, предполагали даже отравление, вина в том кого-то из местных жителей или жительниц, российских агентов. Но никаких подтверждений ни одна из версий так и не получила. Ходкевич был страшно огорчён полученным известием и говорил, что после этого у него изрядно уменьшились надежды на успех похода королевича. В письме к жене он писал из Ляховичей: «Едва вернулся домой, как весьма недобрые вести с украины застал. Лисовский, бедняга, умер. Войско назад попятилось и в двух милях от границ стало,

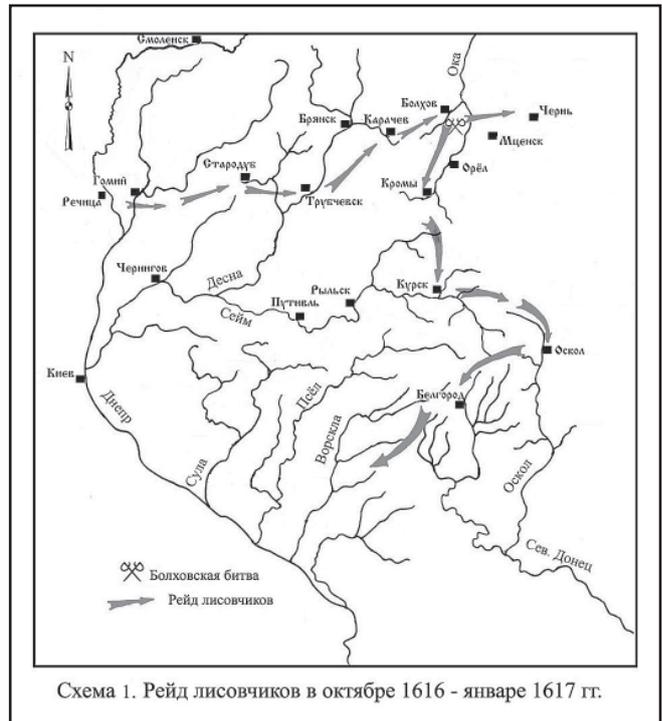

Схема 1. Рейд лисовчиков в октябре 1616 - январе 1617 гг.

куда ныне посылаю, а также и королю весть о том шлю. Сколь удивительно мне смерть того человека все планы смешала и что ныне делать и сам не знаю» [20, 96]. Осиротевшим лисовчикам Ходкевич писал 10 (20) октября: «Весть о смерти столь великого и достойного в Речи Посполитой человека, пана полковника ваших милостей, опечалила меня ... деяния его под командованием моим столь крепко между нами дружеский союз учинили, что как при жизни поступки его были мне великою радостью, так и смерть ... великую печаль причинила». Одновременно гетман выражал «милостивому панству и братьям» благодарность за то, что они не только сообщили ему «злосчастную новость», но и сами изъявили готовность ожидать от него дальнейших распоряжений. Относительно лисовчиков у Ходкевича были далеко идущие планы [23, 103-104].

Александр Юзеф Лисовский умер. Однако его детище, созданный им полк, гордо носивший имя своего основателя, надолго пережил своего полковника, сохранив и приумножив страшную славу, приобретённую при его жизни.

Несмотря на внезапную смерть полковника, запланированное вторжение *лисовчиков* в российские пределы всё же состоялось. Для московских воевод оно не стало неожиданностью. Стички на пограничье не прекращались ни на день. Начало новой войны означало для порубежья лишь продолжение давно уже ставших привычными взаимных набегов. Ход военных действий в ходе нового рейда можно проследить, сопоставляя русские и польские источники. В обоих случаях в них старательно фиксируются даже малейшие

собственные успехи и крайне скупом упоминается даже о крупных неудачах.

Существуют и разногласия относительно того, кто же командовал *лисовчиками* в этом рейде. Согласно польской стороне, гетман Ян Кароль Ходкевич первоначально прочил на этот пост ротмистра казацкой хоругви Миколая Руцкого. Однако лисовчики отнесли к этому без особого энтузиазма и вскоре командование ими принимает хорунжий литовский Кшиштоф Ходкевич [24, 77]. Русские военные донесения называют в качестве неприятельского командира полковника Родкевича (пана Радкевича, Раткевича или Раткеевича). Не исключено, что под этим именем в русских документах подразумевается сам Ходкевич. Это вполне возможно, тем более, что и в польских документах это имя писалось по-разному: Chodkiewicz, Kotkiewicz. «Новый летописец» описывает смену командования среди лисовчиков следующим образом: «литовские же люди выбраша в ево [Лисовского] место в полковники рохмистра Раткеевича и поидоша назад под Смоленск. И недоходя Смоленска тово Раткеевича убиша и выбраша в полковники пана Чеплинского» [12, 140].

При сравнении этих сведений с польскими источниками выясняется, что события конца 1616 – начала 1617 г. совершенно прошли мимо внимания летописца. Кшиштоф Ходкевич [Раткеевич?] командовал *лисовчиками* и в конце 1616 г., и в марте 1617 г., когда они действительно получили приказ гетмана прибыть под Смоленск. Но прибыли они туда в мае 1617 г. уже под командованием Станислава Чаплинского (Чапиньского) [24, 77]. Исходя из этого, можно предположить, что мятеж, повлёкший гибель «Раткеевича», произошёл примерно в апреле 1617 г. Причиной тому, могли послужить разногласия, возникшие между полковником и его подчинёнными в ходе рейда по российской территории. Однако данное предположение вступает в противоречие с фактами биографии самого Кшиштофа Ходкевича. Великий хорунжий литовский благополучно пережил 1617 г., с марта 1623 г. он занимает пост конюшего литовского, в 1633 г. становится каштеляном троцким, в 1636 г. – каштеляном виленским, в 1642 г. – виленским воеводой и умирает 3 октября 1652 г. [25, 6, 74, 81, 202, 223]. Таким образом, он никак не может являться «Раткевичем», погибшим во время солдатского бунта. Возможно, что сведения автора «Нового летописца» оказались неточны и волнения при смене командования в полку обошлись без кровопролития.

Вторжение началось на исходе октября 1616 г., когда российские источники фиксируют первые столкновения с «литовскими людьми» под Стародубом – известие об удачной стычке доставил в Москву 28 октября (6 ноября) Константин Стрмоухов, посланный от новгород-северского

воеводы Фёдора Волынского. Согласно этому донесению, сам Стрмоухов и с ним атаман Резвой, под началом коего состояли «изо всех станиц лутчие люди», разбил отряд неприятеля в пяти верстах от Стародуба, захватив пленников и преследуя беглецов – «и топтали литовских людей 8 вёрст» [9, 49]. Вскоре от Волынского приходит весть о новой схватке с «литовскими людьми», но теперь уже под деревней Сугатеево Трубчевского уезда – отряд Ивана Стрмоухова одержал победу над литвинами и захватил в плен «старшину их шляхтича Томаша Берестецкова». К середине ноября «литовские люди» обнаруживаются уже под Карачевом, где «полковник Раткеевич» неудачно штурмует городской острог. Карачевский воевода Иван Ловчиков сумел «отсидеться» от неприятеля и лисовчики, «отшод от Карачева с полверсты, стояли до полудня и отошли в Сомовскую волость» [9, 50]. Направление движения вражеских сил прослеживается по этим донесениям вполне определённо. Мелкие стычки, которые происходят по пути, ничуть не препятствуют лисовчикам продвигаться вперёд, разоряя округу тех городов, с воеводами которых им приходится иметь дело. О дальнейших событиях русская «Книга сеунчей» молчит вплоть до происшествий конца декабря. Это неудивительно. Именно к этому периоду относятся наиболее удачные действия неприятеля.

«По Стародубским вестем» 7 (17) ноября навстречу лисовчикам было приказано выступить мценским воеводам стольнику князю Василию Ивановичу Туренину и Дмитрию Фёдоровичу Скуратову и новосильским воеводам Михаилу Самсоновичу Дмитриеву и Ивану Ивановичу Чичерину. Для совместного противостояния врагу их силы должны были объединиться в Болхове. Общая численность русской рати составляла 4559 человек (часть из этих войск была оставлена в гарнизонах Мценска и Новосили на случай осады) [14, 27]. Численность неприятеля была, судя по всему, в половину меньше. Готовясь к походу и составляя платёжные ведомости, ещё сам Лисовский числил в своём полку не более 1500 человек. Если даже к нему позднее присоединились другие подразделения, то вряд ли общее число отряда превысило при этом 2000 – 2500 человек.

Воеводам было предписано немедленно выслать разведчиков в расположение литовских людей, «чтоб над ними поиск учинить и языков бы добрых добыть». Захваченных «языков» следовало допрашивать и «пытать накрепко», добываясь сведений о том, «сколько их пришло в Северские города конных и пеших, и в которых местех а какими обычай стоять, и куды походу их чаять, и нечаять ли к ним из Литвы прибыльных Литовских людей». Полученные сведения следовало спешно доставить в Москву [14, 27].

Князь В.И. Туренин не смог по болезни принять участие в походе и ему было позволено отъехать в Москву. Командование «Северским походом» осталось в руках Д.Ф. Скуратова, М.С. Дмитриева и И.И. Чичерина. Между тем, тульский воевода князь Фёдор Семёнович Куракин 25 ноября (5 декабря) 1616 г. сообщил, что неприятель подступил к Черни. Из донесения, правда, оставались неясными силы и дальнейшие намерения лисовчиков. То ли мимо Болхова и Мценска проскользнул лишь передовой отряд «литовских людей», то ли сюда проникло всё воинство Ходкевича. Лисовчики могли начать разорять окрестности – Мценские, Одоевские, Черньские и Новосильские места, но также могли двинуться в сторону Тулы, Каширы или Рязани, а могли повернуть и на Северщину. Поэтому всем воеводам немедленно были разосланы приказания «промышлять над Литовскими людьми», если те появятся на территории их уездов. В случае, если «Литовские люди пойдут к Кромам или к Курску или в Северские города», борьбу с ними должны были возглавить М.С. Дмитриев и Д.Ф. Скуратов, «ссылаясь с Северских городов с воеводами».

Двигаясь от Стародуба к Трубчевску, а затем к Карачеву и Черни, лисовчики, наконец, в начале декабря выходят к Болхову. Тут, наконец, и происходит их сражение с московской ратью. Несмотря на долгие приготовления московских воевод, битва оказалась для них крайне неудачной. Их рать была разгромлена, а сам воевода М.С. Дмитриев погиб в бою. Подробности битвы, к сожалению, остаются неизвестными.

После этого поражения в помощь Д.Ф. Скуратову был прислан князь Иван Фёдорович Хованский с новыми силами. Численность рати «Северского похода» достигла теперь 6712 человек, включая крупные отряды из Путивля и Курска [14, 35]. Помимо того, на сход с Хованским и Скуратовым должны были явиться елецкий воевода стольник князь Василий Григорьевич Ромодановский и ливенский воевода Тимофей Васильевич Измайлов.

Между тем, «литовские люди», пововав Кромские и Карачевские места, а также перехватив обоз продовольствия, направлявшийся к Вязьме, двинулись на юг в сторону Курска. Воеводы следовали за ними, не решаясь, однако, вступить в бой.

Лисовчики под командованием «пана Родкевича» появились на берегах реки Моквы под Курском в конце декабря 1616 г. («на Филиппов пост»). Курский воевода И.В. Волынский послал против них стрелецкого голову Левонтия Жердина, который успешно атаковал неприятеля и захватил двух пленников. Весть об этом пришла в Москву 20 (30) декабря, а уже на другой день из Курска прибыл новый сеунщик. Оказалось, что победа на Мокве отнюдь не имела такого значения, как хотел представить воевода. Буквально сразу после

этого боя литвины подступили к самому Курску и штурмовали острог. Воевода вывел своих ратников на вылазку, в ходе которой «литовских людей многих побили и из слобод их выбили и языки поимали». Польские источники утверждают, что Ходкевич в ходе своего рейда «спалил Курск» – вероятно, тут имеется в виду разгром посада и слобод, сопровождавшийся пожарами [24, 77]. В битве за Курск, в сражении за слободы особенно отличился Григорий Маслов. В награду за эти подвиги ему была оказана честь стать *сеунщиком* – вестником победы. Он отвёз известие о поражении врага в Москву и за то получил от царя «пять рублей да четыре аршина сукна доброго» [9, 51].

Но и после сражения у стен Курска противник, отойдя от города, расположился лагерем всего в восьми верстах от него, опустошая окрестности. За время своего рейда «пан Родкевич» успел нанести Курскому уезду весьма серьёзный урон, разорив деревни и сёла. Помимо прочего, им было захвачено в плен самое большое количество людей за последнее время – 45 человек [10, 124].

Приближение войск Хованского и Скуратова вынудило «литовских людей» покинуть округу Курска. Они стремительно ринулись на Оскол, взяли его изгоном, сожгли острог и, минуя Белгород, скрылись в степях. Главную роль в погроме Оскола сыграли запорожцы знаменитого полковника Михаила Пырского, вероятно, примкнувшие к лисовчикам где-то в ходе их похода. Город и уезд понёс тогда тяжёлые потери – убито и пленено было 458 человек. Хованский только и мог, что послать в погоню голов с сотнями, которые сопровождали Пырского и Ходкевича до самого литовского рубежа, не рискуя, однако, вступать с ними в бой. Северский поход объединённой русской рати закончился. После этого Д.Ф. Скуратов остался восстанавливать Оскольский острог, а И.Ф. Хованский из Курска вернулся в Тулу [14, 40-41; 18, 174; 10, 121-122].

Таким образом, даже лишившись своего знаменитого предводителя, *лисовчики*, пусть и в несколько меньших масштабах, но смогли в течение ноября–декабря 1616 г. повторить его рейд по «московитским пределам». В ходе набега они сумели нанести поражение русским войскам в полевом сражении, разорить ряд уездов, разгромить предместья нескольких городов (в том числе и Курска), а также уничтожить одну из российских порубежных крепостей. Действия российских воевод, как и в 1615 г., отличаются крайней пассивностью. Имея численный перевес над силами противника, они, тем не менее, упорно избегают прямых столкновений с ним, ограничиваясь преимущественно обороной крепостей. На протяжении всего Северского похода инициатива неизменно находится в руках лисовчиков. Для российских войск Северский поход после Болховского поражения превратился в

Схема 2. Действия лисовчиков во время похода королевича Владислава в 1617-1618 гг.

- Действия в составе основной армии Владислава
 Самостоятельные действия

медленное и осторожное следование за неприятелем без малейших попыток серьезно помешать его действиям. Это резко контрастирует с активными и агрессивными действиями российских служилых людей, совершавших в то же время набеги на «литовские земли».

Дальнейший маршрут польско-казацких сил по русским источникам не прослеживается. Вероятно, удалившись от Белгорода, войска разделились: казаки Пырского вернулись на Запорожье, а лисовчики двинулись к Речице, куда прибыли в марте 1617 г. Трудно сказать, чем занимались они на протяжении почти трёх месяцев. Нельзя исключить их участие в порубежных военных действиях. В январе 1617 г. войска князя Юрия Вишневецкого пытаются овладеть Путивлем, новому штурму подвергается Курск, а в феврале «литовские люди» осаждают Воронеж и Новгород-Северский [18, 209; 9, 52, 53-54]. Хотя все эти предприятия закончились неудачей, вряд ли столь боеспособное и агрессивное формирование, как *лисовчики*, могло остаться в стороне от них. Возможно, именно неудачи и потери на этом этапе похода и привели к бунту, о котором упоминает «Новый летописец».

После возвращения из второго глубокого рейда по «московским землям» в полку лисовчиков произошла очередная смена командования. Кандидатом на должность полковника стал Януш Кишка – опытный солдат и выходец из знатного литовского рода, известный также своими тесными связями с покойным Александром Лисовским. Однако, по не вполне ясным причинам, Кишка так и не принял командования и под Смоленск 12 мая 1617 г. полк прибыл под началом Станислава Чаплинского. «Воспитанный в школе Лисовского, он равнялся своему учителю», – так отзывался о новом предводителе лисовчиков современник. Именно к данному периоду относятся первые точные сведения о структуре полка лисовчиков. В его состав входило 10 хоругвей по 100 человек каждая. Две из них, именуемые «красной» и «чёрной», находились под командованием самого полковника, а во главе прочих стояли Пётр Копачевский, Корсак, Лисовский, Моленицкий, Мрзовицкий, Плецкий и Валенты Рогавский. Десятой, казацкой хоругвью, насчитывавшей 86 человек, командовал ротмистр Свидницкий [24, 77-78; 8, 16].

В это время, стремясь облегчить положение

осаждённого Смоленска, войска старосты велижского Александра Гонсевского «поиде мимо острогъ Московскихъ воеводъ; и поставиша острогъ на Московской дорогѣ въ Твердилицехъ ... и тѣсноту здѣлаша великую под Смоленскомъ». Таким образом, пути снабжения осадной русской армии оказались перерезаны [12, 140]. Обеспокоенное положением войск под Смоленском, правительство Михаила Фёдоровича «слышевъ тѣсноту подъ Смоленскомъ ратнымъ людемъ и посла въ Дорогобужь боярина князя Юрья Янъшѣвича Сулешева да князь Семёна Васильевича Прозоровского да князь Никиту Петровича Борятинского да дьяка Ивана Грязева, а съ ними посла государь многую рать». Армия князя Ю.Я. Сулешева остановилась в Дорогобуже и отсюда «послаша острогъ поставити на Славужѣ» [12, 140].

Прибыв под Смоленск соединившись с отрядами Александра Гонсевского, лисовчики подступили к русским осадным острожкам, где находились войска под командованием воевод Михаила Матвеевича Бутурлина и Исака Семёновича Погожего. Один из них, наиболее крупный, был, согласно польским описаниям, обнесён валом, частоколом и даже имел угловые башни. На протяжении двух дней, 13 и 14 мая, под стенами его шли мелкие стычки и схватки поединщиков, а 15 мая лисовчики стали готовиться к штурму. Напор поляков оказался слишком силён для гарнизона и в ночь на 17 мая русские войска скрытно покинули укрепления, уйдя в сторону Белой. Острожек на Славуже постигла более печальная участь: «Литовскіе жъ люди придоша и острожекъ взяша, воевод и ратныхъ людей всѣхъ поимаша» [24, 78; 16, 95; 12, 140].

Воодушевлённые достигнутыми успехами, лисовчики этим не ограничились и 14 (24) мая появились под Дорогобужем: «придоша к Гашевскому Лисовщики. Гашевской же собрался съ всѣми Литовскими людьми ... и придоша къ Дорогобужу внезапно и стада конскія многія отгониша, едва можаху съ ними противитися». Однако тут после первых успехов лисовчики потерпели полное поражение. Все владельцы угнанных лошадей «выидоша изъ города» и ринулись на врагов. Воевода князь Ю.Я. Сулешев писал: «приходили под Дорогобуж полковник Чаплинской, а с ним польские и литовские люди и черкасы, и с теми людьми был бой и ... польских и литовских людей и черкас побили наголову и языки многіе, и знамёна и литавры, и трубки поимали, а взяли в языцех литовских людей 240 человек». В жарком бою голова смоленской сотни Григорий Киреевский попал в плен, но уже вскоре «ево у литовских людей отбили». В награду за проявленную отвагу ему поручили сопроводить в Москву захваченных пленников. В сражении отличился также князь Пётр Романович Борятинский, посланный к царскому двору сеунщиком [9, 58-59; 12, 140-141]. Польские

исследователи (М. Дзедушицкий, Г. Виснер) этого эпизода не упоминают, хотя, вероятно, именно он объясняет отсутствие известий о действиях лисовчиков вплоть до июля 1617 г.

Гонсевский отступил к своему острогу на Твердилицах, а лисовчики, оправившись от дорогобужского поражения, вскоре вновь выступили в набег: 16 (26) июля 1617 г. «приходили под Вязьму от Чаплинского литовские люди и русские воры и стали от Вязьмы в дву верстах». Воеводы князь Никита Михайлович Мезецкий и Степан Лазаревич Татищев выслали против лисовчиков отряд под командованием Ивана Турского. Сражение вновь оказалось несчастливим для Чаплинского: «литовских людей и русских воров побили наголову и ротмистра Олександра Долгово и трубачея Ивашка Сергеева, а с ними много языков и знамёна поимали, а в языцех взято литовских людей и русских воров 25 человек» [9, 62].

Совершая набеги на российские пределы, лисовчики, верные старым традициям, старались создать себе укреплённую базу на неприятельской территории. Не сумев на сей раз захватить какой-либо городок, они, судя по всему, ограничились тем, что выстроили себе острожек в деревне Дубровских Дорогобужского уезда. Однако российские служилые люди не дали им возможности упрочить позиции: 4 (14) августа острожек был захвачен высланным из Можайска отрядом казаков под командованием атаманов Василия Болдыря и Панкрата Гаврилова. Разгромив лагерь лисовчиков, казаки пленили «Чаплинского полку шляхтича Матюша Любскова с товарищи 6 человек» [9, 64].

Таким образом, исходя из сведений «Книги сеунчей», действия лисовчиков под командованием Чаплинского летом 1617 г. ознаменовались целой серией громких провалов, наиболее крупным из которых было дорогобужское поражение. Однако, этот источник, при всей своей ценности, даёт крайне однобокий взгляд на ход военных действий, фиксируя исключительно победные религии. Несомненно, наездники Чаплинского, разгуливая по Дорогобужскому уезду и подступая к стенам Вязьмы, тоже одерживали победы, захватывали добычу и пленников. Но, к сожалению, рапорты об этих достижениях доньше остаются неизвестны.

Между тем, в начале августа 1617 г. войска, предназначенные для вторжения в Россию, были стянуты в Могилёв, куда прибыл со своим двором и сам королевич Владислав. В то же самое время гетман Ходкевич обложил Дорогобуж. С прибытием в начале октября под стены города основных сил армии Владислава, «неприятель, уstraшенный слухом, что идет сам королевич, против ожидания сдал крепость». Воевода Иванис Ададуров даже присягнул на верность «царю Владиславу Жигимонтовичу». Осторожный Ходкевич предлагал

зазимовать в Дорогобуже, однако гонцы доставили известие о том, что вяземские воеводы бросили свой город и бежали в Москву. Владислав тотчас приказал выступать и вскоре без боя вошёл в Вязьму. Однако на этом триумфальный марш королевича закончился. Под Можайском его отрядам неожиданно был нанесён ряд жестоких ударов. Армия откатилась обратно к Вязьме и война обернулась новой серией опустошительных рейдов и набегов. Подобная ситуация была просто создана для лисовчиков.

Покинув Вяземский лагерь, Чаплинский «с изумительной быстротою пролетел вдоль и поперек по всей Московии, разнося всюду страх и опустошение». Казалось, вновь повторяется рейд Лисовского. Первым пал Мещовск, где оборонялся воевода Истома Засецкий: «город не хотел сдаться; Чаплинский взял его, а всех жителей истребил; войско заперлось в крепости, он отнял воду; доведённое до крайности, войско предложило сдать крепость со всеми снарядами, если Чаплинский поклянётся, что отпустит их свободно. Зная, как важен этот пункт, Чаплинский согласился, и гонец поскакал к Владиславу с вестью о победе и с пленным воеводою мещовским, комендантом города и крепости». Судя по этим словам, данного воеводе обещания «отпустить свободно», Чаплинский не выполнил. Затем лисовчики направились в сторону Козельска. Здешние жители не стали испытывать судьбу: «въ Козельскѣ жь измѣниша и городъ здаша и королевичю крестъ цѣловаша». После этого Чаплинский, действуя в традициях Лисовского, превратил город в свою опорную базу для дальнейших операций: «въ Козельскѣ сталь и зимовать и ис Козельска ѣздя, многіе города повоева». Серпейский и Мосальский уезды превратились в приставства лисовчиков, откуда они получали теперь продовольствие и фураж [8, 17; 12, 141; 17, 173].

После падения Мещовска и Козельска прямая угроза нависла над Калугой. Горожане в страхе направили в Москву специальное посольство и «били челом имянно чтобъ государь послал боярина своего князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго». Челобитье было удовлетворено и 18 (28) октября 1617 г. легендарный воевода выступил в Калугу, чтобы вновь встретиться в бою со своими старыми противниками.

«Правительство получило возможность удовлетворить одновременно просьбы жителей Калуги и казаков – последним было обещано, что сам Дмитрий Михайлович возглавит войско ..., – оценивает это назначение А.Л. Станиславский. – Князь Пожарский имел к тому времени славу лучшего русского полководца и являлся высшим авторитетом для казачества. После многих конфликтов между правительством и казаками ему предстояло разрядить обстановку, добиться возвращения на

службу взбунтовавшихся казаков и с их помощью организовать оборону города» [17, 173].

С трудом пройдя в город, окрестности которого уже были наводнены лисовчиками, князь Д.М. Пожарский «устроилъ осаду и посла х казакамъ, которые воровали на Сѣверѣ, чтобы шли въ Калугу, а вины имъ государь отдалъ. Они же тотъ часъ придоша въ Калугу съ радостию и, живучи въ Калугѣ, ко государю многую службу показали» [12, 142]. Согласно польским источникам, Пожарский привёл с собой в Калугу 7000 «отборнейшего войска», причём «в числе их было пять тысяч конницы – остаток войска мужественного и опытного гетмана Заруцкого. Пожарский, опасаясь, чтобы они не перебежали к Владиславу, роздал им с возможною точностью жалованье, и ввел в крепость, откуда труднее бежать, а наблюдать за ними среди окопов безопаснее и удобнее» [8, 17].

Взаимные стычки казаков Пожарского и лисовчиков Чаплинского не утихали всю зиму и всю последующую весну. «Книга сеунчей» содержит перечень наиболее ярких столкновений, победителями в которых оказались русские казаки и служилые люди. Среди наиболее отличившихся были есаул Лаврин Иванов и голова Ждан Кондырев [9, 66, 67, 69, 70, 74, 76-77, 79]. Соответственно, в сочинении Ст. Кобержицкого повествуется преимущественно об успехах поляков, предпринимавших осенью 1617 г. серьёзные усилия по овладению Калугой.

«В Мещовск отправили сремского воеводу Петра Опалинского с сильным отрядом конницы. Ему приказано было занимать неприятеля частыми набегами, и, снесясь с Чаплинским и лисовчиками, построить укрепления и осадить Пожарского; а если бы он обратился к Москве или к Можайску, то завязать с ним дело, и затруднять отступление. Опалинский не дремал: построил крепостцу при Товаркове [Tovarkovia], в четырех милях от Калуги, хитростью выманил неприятеля из города, напал на него дружно, многих убил, пятьдесят человек взял в плен, и в том числе родственника князя Пожарского. Успех был бы еще блистательнее, если б лисовчики, находившиеся в засаде, не бросились в бой раньше, нежели следовало. Князь Пожарский был вождем *осторожный, необыкновенно благоразумный и в ратном деле опытный*; будучи одним из главных виновников первого восстания русских, он воевал постоянно. Нападения Опалинского князь Пожарский отражал смело, и не раз выходил из боя победителем» [8, 17-18].

Русский летописец оценивает результаты битвы гораздо скромнее: «Прииде жь из Вязьмы полковникъ Опалинскій и ста в Таварковѣ ... Къ нему жь ис Козельска полковникъ Чаплинскій прииде подѣ Калугу. Бояринъ же князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской съ товарищи съ ратными людьми выйде

противъ ихъ за Лаврентьевской монастырь и бысть бой черезъ весь день; съ обоихъ сторонъ не мало людей побиша и разыдошася» [12, 142].

Спустя десять дней Опалинский и Чаплинский попытались захватить город внезапным ночным нападением: «придоша ноцію подъ Калугу, хотѣша украсти Калугу. У боярина же быша караулы и заставы крѣпкіе и пустиша ихъ в надолобы. И вышед изъ города, многихъ Литовскихъ людей побиша и отъ города отбиша прочь» [12, 142]. В изложении Ст. Кобержицкого этот эпизод выглядит совершенно иначе: «Опалинский с лисовчиками и со своим войском внезапно бросился к Калуге, зажѣг город, а уstraшенный неприятель не посмел выйти на встречу» [8, 18].

Не ограничиваясь обороной Калуги, Д.М. Пожарский повѣл наступление на оплот Чаплинского и Опалинского в Товаркове. С этой целью он выслал отряд в 800 человек конницы и 400 пехоты, чтобы выстроить острожек на подступах к Товаркову между Боровском и Калугой: «бояринъ же ... посла на Горки Романа Бегичева съ ратными людьми и повелѣ имъ поставити острогъ. Литовскіе же люди придоша, не хотяху дати острогу ставити» [12, 142]. Опалинский выслал против отряда Бегичева конные отряды под командованием Денгофа и Рамульта, но «судьба благоприятствовала русским: Нововейский и одиннадцать человек из отряда Денгофа были убиты, Хелмский и Касмерский были изранены; поляки, потеряв лошадей, дали тыл, нисколько не помешав работе русских. По первой вести Опалинский прискакал на помощь, но было уже поздно. Это поражение поляков, казалось, вознаградили Рамульг, убив вскоре после того почти двести русских, которых Пожарский отправил под командой известного наездника Печонки [Piechonki] на рекогносцировку; но когда уже победа клонилась на сторону поляков, сам Рамульг, отличный кавалерийский начальник, пал от руки стрельца, к горести и Опалинского и всего войска» [8, 18].

В конечном итоге князь Дмитрий Михайлович добился своей цели: «Пожарский послал отряд к укреплению при Товаркове, устроенному для охранения провианта, и защищаемому людьми Опалинского. Три дня русские нападали; наконец укрепление взяли и сожгли. Защищавшие понесли большой урон, но и русские не обошлись без потерь» [8, 18]. Трудно сказать, когда произошло описанное Кобержицким сражение, поскольку острог в Товаркове, откуда выходят в набеги «литовские люди», продолжает упоминаться в «Книге сеунчей» вплоть до мая 1618 г., когда лисовчики сами покинули укрепление, уйдя в Вязьму на соединение с главной армией королевича. Вероятно, тут описывается уничтожение не главной базы Чаплинского и Опалинского, а одного из меньших опорных пунктов. Именно так описывает окончание противостояния

автор «Нового летописца»: «Бояринъ же посылалъ подъ Товарково многіе посылки, и многую тѣсноту Опалинскому учиниша, многихъ побиваху и языки многіе имаху. Опалинской же, видя тѣсноту, отойде не съ великими людьми въ Вязьму» [12, 142].

Имея в своём распоряжении надёжную базу, опытные и верные войска, а также располагая временем для развёртывания своих неспешных операций, князь Дмитрий Михайлович в конечном счёте переиграл своего пылкого противника, не дав Чаплинскому добиться намеченной цели. Калуга осталась неприступной, а зимовка у лисовчиков выдалась крайне беспокойной.

Не ограничиваясь действиями вокруг Калуги, лисовчики предпринимали и более дальние рейды, опустошая окрестности и даже пытаясь овладеть новыми городами: «Опалинской же стоя тутъ и послаша въ Оболенскія и въ Серпуховскія мѣста войною». Так 5 (15) марта 1618 г. «приходили под Одоев ис Козельска литовские люди ротмистр Свидницкой». Одоевский воевода Путила Резанов возглавил вылазку и в сражении отразил лисовчиков, причём сам ротмистр Свидницкий был ранен в бою. В плен одоевцы взяли трёх шляхтичей и «рускова человека ржевитина сына боярского Володимера Врасковского» [9, 74]. В начале июня 1618 г. «приходили к Белёву ис-под Одоева полковник Чаплинской с литовскими людьми и Белёвский уезд воевали, сѣла и деревни жгли». Белёвские служилые люди сражались с лисовчиками и, по уверению своих воевод, «литовских людей многих побили и языки поимали» [9, 79].

Помимо Одоева и Белёва имеются упоминания о появлении «литовских людей» под Мценском, Болховом, Медынью, Крапивной. Это не обязательно были именно люди из полка Чаплинского. Признавая, что «особенно отличались в набегах лисовчики под начальством Чаплинского», Станислав Кобержицкий говорит также и о действиях иных подобных наездников. Среди них он называет неких Соколовского и Якушевского, «командовавших легко-конными отрядами, которые часто побеждали неприятеля», а также упоминает, что и «другие отряды также храбро сражались с русскими, мстившими за убийство своих соотчичей и опустошение страны» [8, 19].

Летом 1618 г. лисовчикам стало нелегко держаться и на своей зимней базе в Козельске. Болховский воевода Степан Лазаревич Татищев, собравшись с силами, 20 (30) июня выслал «под Козельск и на Чаплинсково таборы голову Игнатъя Кривцова, а с ним болхович и корачевцов дворян и детей боярских». В ходе битвы, разыгравшейся 21 июня (1 июля), ратники Кривцова «Чаплинского таборы взяли и литовских людей и русских воров многих побили и в город втоптали, и таборы выжгли, и к городу приступали, и на приступе

и на вылоске многих литовских людей и русских воров побили» [9, 82].

Между тем, 5 июня 1618 г. основные силы польского войска выступили из Вязьмы. В Кременске к нему присоединились полки Чаплинского, Опалинского и Казановского. Затем Владислав направился к Можайску, где развернулись ожесточённые бои, но все попытки захватить город оказались неудачны. Лисовчики в этот период по приказу Ходкевича, «на 20 миль и больше окрест разъезжая, днём и ночью запасы неустанно собирали» [19, 153]. Наконец, в сентябре решено было снять бесплодную осаду и двигаться прямо на Москву. В пути к Владиславу прибыли послы запорожского гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, известив о приближении 20-тысячной казачьей армии. В Тушино запорожцы присоединились к войскам королевича.

Действия лисовчиков за этот период документированы слабо, однако есть все основания полагать, что они вовсе не пребывали в бездействии, а вели обычную для себя войну, состоящую из внезапных набегов и засад.

Вночьнапонедельник6(16)сентябряЧаплинский внезапно появился под Переяславлем-Залесским «и к городу приступал; и стоял под городом ... 8 ден и, одшев от Переславля, Чаплинской с товарищи стоял в Переславском уезде в селе в Сваткове» [15, 14]. Вслед за этим, возвращаясь к основным силам королевича, 24 сентября (4 октября), лисовчики подступили к Троице-Сергиеву монастырю. Однако здесь они оказались не более удачливы, чем в своё время сам Лисовский: жители посада и монастырские слуги отразили врага и выбили его из Стрелецкой слободы. Отступая, Чаплинский выжег с.Клементьевское и слободы за прудом.

В стан королевича Чаплинский вернулся весьма вовремя: в ночь на 1 (11) октября поляками был предпринят штурм Москвы. Лисовчиков назначили в резерв для атаки Арбатских ворот. Однако штурм окончился полной неудачей и Чаплинскому, похоже, даже не пришлось принять участие в сражении [11, 74].

Неудачный штурм повлёк за собой возобновление переговоров, которые затянулись почти на месяц. Именно в это время и оборвалась жизнь Станислава Чаплинского: в октябре, совершая набеги в окрестностях Троице-Сергиева монастыря, он столкнулся на Вохне с отрядом монастырских слуг и был ими убит. Известие об этом вызвало глубокую скорбь в польском стане [16, 104]. Согласно же польским источникам, Чаплинский погиб в ноябре, когда Ходкевич выслал лисовчиков и запорожцев «для опустошения всех над Окой и далее краёв лежащих, где Коломна, Переяславль-Резанский, старая Рязань и иные, не тронутые ещё войною со времён Лисовского места находились». Чаплинский

двигался, сметая всё на своём пути: «исчезали в огне деревни и сёла, дворы боярские, утрашённые жители бежали в леса и дебри и долго потом ещё не возвращались на пепелища домов своих. Не было ... в полях селения, а в селении, если таковое случаем каким уцелело, никакого живого духа. Сёла и городки обратились в пустыню и процветающий край замертво трупом лёг». Погиб же Чаплинский «подступивши под замок верного боярина, будучи скрытно мушкетным выстрелом сражён, рухнул с коня на глазах товарищей своих» [19, 162-164].

Место погибшего занял, по словам М. Дзедушицкого, другой ветеран лисовчиков – ротмистр Валенты Роговский. Однако, согласно документально обоснованным сведениям Г. Виснера, преемником Чаплинского стал Пётр Копачевский, который именовал себя «полковником Его Королевского Величества» уже в письме на имя архиепископа Гнёзненского, отправленном из Гавриловской Слободы 24 октября 1618 г. [24, 78]. Таким образом, скорее всего, Станислав Чаплинский был убит в период между 1 (11) и 14 (24) октября 1618 г. Выбор же Копачевского представляется отнюдь не случайным: первый в списке ротмистров, недаром именно он ещё в 1616 г. выступал представителем «рыцарства» на переговорах с Ходкевичем.

Между тем, отступив от стен Москвы, Владислав направился к Троице-Сергиевому монастырю, безуспешно попытался его взять, а затем стал лагерем в 12 верстах от него в д.Рогачёвой. В располагавшейся неподалёку д.Деулино и было 1 (11) декабря 1618 г. заключено перемирие, положившее конец войне.

Завершение войны не закончило истории «аспидов Лисовского». Ещё крепче сплотившийся в ходе боёв под Калугой и летне-осенних набегов 1618 г., полк сохранил себя, упрочил сложившиеся внутри него традиции и вскоре с блеском проявил свои как лучшие, так и худшие качества уже на полях европейских сражений.

Ссылки

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. – СПб., 1841.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. III. – СПб., 1836.
3. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) // Императорское Общество Истории и Древностей Российских. – М., 1914.
4. Акты Московского государства. Т. I. – М., 1890.
5. Бестужев-Марлинский А.А. Ревельский турнир. Исторические повести. – М., 1984.
6. Загоскин М.Н. Юрий Милославский или Русские в 1612 году. – М., 1989.
7. Зорин А.В. Великий рейд Александра Лисовского (март-декабрь 1615 г.) // Русский сборник. Вып. 5. – Брянск, 2009. – С.224-231.
8. Кoberжицкий Ст. Сказания польского историка Кoberжицкого о походах польского короля Сигизмунда и

королевича Владислава // Сын отечества – 1842. – № 4. – С. 4-40.

9. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. I. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень – зима 1615 г.). – М. – Варшава, 1995.

10. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. – Белгород, 2004.

11. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. – М., 1834.

12. Полное собрание русских летописей. Т. XIV. – М., 1965.

13. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. – М., 1978.

14. Разрядная книга 7125 года // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 3. – 1849.

15. Смирнов М.И. Смутные годы XVII века в Переяславле-Залесском. – М., 2004.

16. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. V. – М., 1990.

17. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. – М., 1990.

18. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т. I. – М., 1913.

19. Dzieduszycki M. Krótki rys dziejów i spraw Lisowczykow. T. I. – Lwów, 1843.

20. Korespondencje Jana Karola Chodkiewicza. – Warszawa, 1875.

21. Lisowski A.J. Relacja Aleksandra Józefa Lisowskiego z przebiegu wyprawy w głąb Moskwy w r. 1615-1616 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – 1938. – Т. X. – S. 50-255.

22. Tyszkowski K. Aleksandr Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – 1932. – Т. V. – S. 1-28.

23. Materiały do Życiorysu Aleksandra Lisowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – 1932. – Т. V. – S. 102-104.

24. Wisner H. Lisowczycy. – Warszawa, 2004.

25. Wolff J. Senatorowe i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386-1795. – Kraków, 1885.

Zorin A. V. «Аспіди Лісовського» (1617-1618 pp.)

Стаття присвячена одному з найбільш відомих військових угруповань смутного часу-лісовським козакам (лісовчикам). Праця базується на російських та польських джерелах. Особливу увагу приділяється виступу лісовчиків під командуванням полковника Я.К. Ходкевича на північні землі в 1616 році і походу на Москву під керівництвом полковника С. Чаплинського в 1617-1618 роках.

Zorin A. V. «Serpents of Lisowski» (1616-1618)

This article is dedicated to one of the most famous military forces of Russian Time of Troubles – the Lisowski Cossaks (Lisowczycy). The work is based on the Russian and Polish sources. Special attention is paid to Lisowczyks campaign under colonel K. Chodkiewicz on the Severian lands in 1616 and expedition to Moscow under colonel S. Czaplinski in 1617-1618.

ГРОШОВИЙ ОБІГ НА ГЛУХІВЩИНІ В ПЕРІОД ГЕТЬМАНЩИНИ

В статті описується різноманіття грошових монет Російської імперії та іноземних держав, поширених на території Глухівщини в період Гетьманщини, їх походження та історія вжитку.

Соціальний і національний гніт, переслідування православної церкви викликали на Україні невдоволення всіх верств українського суспільства, яке переросло у всенародну визвольну війну проти панування польської шляхти на чолі з Богданом Хмельницьким, у ході якої було підписано в серпні 1649 року Зборівський договір. За ним створювалася Українська козацька держава під назвою Гетьманщина у межах Київського, Чернігівського та Брацлавського воєводств. За адміністративно-територіальною реформою воєводства перетворилися на полки. Чернігівський полк охопив територію Чернігівського та Новгород-Сіверського повітів. До складу останнього входив Глухівський округ. «Березневі статті», підписані між Богданом Хмельницьким та московським урядом, у 1654 р. поклали початок входження Гетьманщини до складу Московської держави. У 1764 р. російською імператрицею Катериною II було скасовано гетьманство, в результаті чого перестала існувати Українська козацька держава. В процесі входження Гетьманщини до складу Російської імперії вона втягувалася в її внутрішній ринок, хоча торгівельні відносини існували і раніше.

Географічне положення сприяло поширенню на внутрішньому грошовому ринку Глухівщини російської монети. Підтвердженням цьому є Глинський скарб, знайдений за 16 км від м. Глухова на місці зруйнованого радянською владою у 1922 р. чоловічого православного монастиря Глинська пустинь.

Глинський скарб нараховує 294 срібні копійки та 6 свинцевих пломб (підробок). Попереднє дослідження Глинського скарбу вказує на те, що він складається зі срібних російських копійок та їх фракцій (полушок і денг) XVI - XVII ст. Тут також присутні 6 свинцевих пломб копійчаної форми та 16 так званих «мордовок». Як відомо з нумізматичної літератури, «мордовки» грубо копіювали допетровські монети. Вони виготовлялися із сірого металу, ймовірно з низькопробного срібла, й майже всі зустрічалися з проколотим отвором. Назва походить від одного з народів Поволжя. Написи на них зазвичай не читаються – це просто орнамент, складений із подібних на букви знаків. Їх виробництво на Поволжі викликало необхідність у звичних традиційних прикрасах для шії, одягу, яка стала відчуженою у XVII – на початку XVIII ст., коли російська монета особливо зросла після